

О конкурсных подборках: 89, 158, 233 и 315.

У моего напарника по обзорам случился форс-мажор – на него обрушился «ниагарский водопад работы», поэтому следующую четвёрку подборок представлю я одна. Считайте это эссе – скорее приглашением к диалогу, поводом к нему, нежели «анализом-разбором текстов» или ещё чем-то таким, претендующим называться критикой.

Цель этих заметок очень проста: показать, чем я руководствовалась как член жюри 1-го тура, что мной двигало, когда я делала свой выбор в пользу той или иной подборки. На портале часто всплывает этот запрос в комментариях – судьи, мол, объяснитесь! обоснуйте свой выбор! Одни бросают этот клич, ловят судей на слабо, провоцируют, обвиняя в «дружбах», – другие терпеливо разъясняют, что «судьи никому ничего не должны». Так и есть, вообще-то. Не должны. Но могут – если хотят.

Итак, четыре подборки, о которых хочется говорить.

315. Люди обычных профессий

* * *

То ли катишься яблоком к пристани,
то ли вьёшься плющом до небес,
но приходят садовые приставы
с сучкорезами наперевес.

Миражами, тенями бескрылыми,
с плодородной землёю в мешках –
то ли люди с садовыми вилами,
то ли ангелы с лейкой в руках.

Пропололи, взрыхлили, удобрили,
обозначили место в ряду.
Да и правда, умеючи долго ли
разобраться с растеньем в саду.

От такого ухода прилежного,
от нажима хозяйской руки,
может, станешь расти выше прежнего,
но плоды твои будут горьки.

В стихотворении очень умело соблюдены пропорции ясноговорения («простой» речи, без выкрутасов) и «не простого», над-обыденного содержания. С одной стороны, чёткие и прозрачные грамматические конструкции; сходу предъявлены незатейливые метафоры: человек – дерево, жизнь – сад, плоды дерева – дела человека. Казалось бы, что тут еще нового можно выжать, из этих метафор? Но – с другой стороны – всем этим хорошо известным, традиционным образам и идеям придан свежий современный «лук». Автор, словно модный стилист, как следует их «взъерошил». И умеренно-щедро попшикал иронией, чтобы закрепить укладку.

Так, например, вместо «садовника», олицетворяющего Судьбу, смотрителя жизни человека, – в стихе действуют некие «садовые приставы». Садовник – образ скорее с положительной коннотацией; это что-то, связанное с заботой, уходом, приглядом. Пристав же – должностное лицо. Взиматель. Принудитель.

Обступившая человека-дерево компания «садовых приставов» с секаторами, дабы совершить над ним маленькое заботливое насилие, ради его же блага, – в этом есть что-то горько-смешное, да. И вот пропорции этой горечи – и этой иронии – они тоже очень правильные в стихе. Прямо как в хорошем дорогом коктейле.

Во второй строфе (мне показалось?) «люди» – эвфемизм для «чертей». Черти сюда гораздо лучше вписались бы – во-первых, по звуку. Смазанные невнятные «толилюди» проигрывают чётким, выразительным «чертям». А во-вторых, не могу отделаться от

ощущения, что автор – поскромничал, побоялся банальных противопоставлений. А зря. Ведь им уже создан контекст, делающий банальное – особенным, необычным. «Остранённым», как говорят знающие люди-филологи.

Второй текст, пожалуй, пропущу мимо, а вот на третьем остановлюсь.

* * *

А я и так всегда один –
и ладно, и мерси.
Бери машину, господин,
и в небо уноси.

Вокруг такие холода,
что леденят до жил.
Ещё и ты хрусталик льда
мне в сердце положил.

И вот теперь кривишь свой рот
в улыбку палача,
в лицо просящим у ворот
надменно хохоча.

Судьба моя... Хоть пой, хоть плачь –
а всё выходит пшик.
Так смейся, кровосос, палач,
эвакуаторщик...

Как по мне, это самый обаятельный, козырный текст подборки. Здесь ирония, намеченная в первом стихе и втянувшая рожки во втором, проявляется в полную силу. Это вот неявное, но легко вычленяемое из строфы сетование «Судьба моя .... эвакуатор-щик», – что это, если не «Сестра моя – жизнь», пропущенное сквозь обрёченно-смиренное «охо-хо-нюшки, хо-хо», выдыхаемое героем в очередной горько-комичной ситуации.

Уволакивают авто... Ну что ж теперь... нам не привыкать... «А я и так всегда один», – наблюдая за этим «надругательским», опять-таки, действом, думает герой . (Как будто наличие автомобиля отменяло его одиночество и он был «не один»!)
Там – подрезают ветви, сям – смахивают, «как пыль с библиотечного стола» (второй текст), тут – отбирают автомобиль...

Герой-жертва, герой-«терпила» смешон, но – элегантно смешон, но – исполнен своеобразного лирического шарма в своей ловкой неловкости, и ему – хватает того самого «чего-то человеческого», на нехватку чего в современной поэзии жаловался давеча Доктор.

158. Перелётное, Глаша Кошенбек

К этой подборке мне было легко «отнестись», но очень трудно сформулировать свое отношение словами. Вот буквально по буковке сижу и подбираю их, слова, нащупываю методом свободных ассоциаций: птичий сюр... птичий сюрный босх... это просто праздник какой-то!.. психоделика-cartoon... иррациональное ликование как итог просмотра этого странного мультика-наоборотыша, где птицы – как бы люди, а герой – как бы птица.

стучат в забор
входите птицы
и птицы сразу же вошли
вороны дятел и синицы
зарянка поползень кулик

крапивник цапля дубоносы
и зеленушка и конек
и к дому прямо без вопросов
не вытирая даже ног

...
а гости сели на террасе
лил дождь смеркалось пах навоз
и сад был грозен и прекрасен
в кровавых пятнах поздних роз

я вынес семечек и хлеба
мы сели есть кулик уснул
на нас в упор смотрело небо
без интереса как на стул
***
мы вышли
птицы побежали
и я
над ними полетел

Вот посмотришь/почитаешь такой мультик – и рискуешь услышать, выйдя к домашним: «А чего это у тебя глаза так подозрительно блестят?»

А еще вспомнилось – есть такие рифмованные «потешные небылицы», наподобие:

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота,
"Тпру", – сказала лошадь,
И мужик заржал,
Лошадь пошла в избу,

А мужик стоял,
Лошадь ела булки,
А мужик овес,
Лошадь села в сани,
А мужик повёз.

Очень полезно было это вспомнить – и затем, сунувшись в гугл, найти, наконец, научное объяснение происходящему:
«Небылицы-перевёртыши – это песенки или стишки, в которых всё поставлено «с ног на голову». В них летают поросята, заяц сидит на берёзе, а мухи съедают петуха. Такие картинки вызывают радостный детский смех и укрепляют у ребёнка понимание подлинных, реальных связей вещей и явлений».

Ну вот, слава богам, всё прояснилось! Радостный смех от понимания подлинных, реальных связей...

Но – наверняка же – секрет не только в этом. Мы ведь не дети, чтобы радоваться и хлопать в ладоши только от того, что дятлы, сойки и дрозды сидят за столом на сумасшедшем дачном чаепитии (привет Мартовскому Зайцу и Шляпнику, кстати), и наблюдают за тем, как

щегла волочат через грядки
три чижика один упал
у кулика на клюве тряпка
чтоб в разговоры не вступал.

Может быть, секрет «прихода» – в особом строе авторской речи; в этой очень свободной технике, местами даже – в свободе от всякой техники, да ну ее совсем; в этих замечательных вставках, нарушающих размер и ритм: «у вас не ёкает?» Ёкает, ага, именно в этом месте, где вы спросили!

Одним словом, я так и не поняла, в чем секрет и как действует та пружинка, благодаря которой из коробочки «потешного» текста выскакивает нарядный чёртик поэзии, качается из стороны в сторону и радует обалдевшего читателя. Так и не поняла – и почти-почти поняла. Истина где-то рядом.

«Природное» – второй текст – сильно отличается от первого и третьего, птичье-людных или людо-птичьих наоборотышей. Он как отбивка между ними. Хотя по своему хорош и самостоятелен.

Мальчик севочка с маленькой буквы и Природа с большой. Всё, что происходит внутри текста, замешано на этой вот перестановке «строчности» и «заглавности».

В третьем тексте – к нам возвращаются птицы, по которым мы не успели соскучиться лишь потому, что стих про севочку и Природу так невелик.

Кажется, после крутого сюрного замеса первого текста – нас уже ничем не удивишь. Но автор умудряется изящно и легко это сделать. Теперь сюр дачного чаепития сменяется дождем из шмоток, которые сбрасывают с себя птицы за ненадобностью (потеплело, весна в родных краях... на кой им штаны и рейтузы, руля и зеркал подогрев?).

И затем, контрольным выстрелом в голову автор добивает вконец очумевшего от этого «пира духа» читателя:

о, как их движения ловки!
а мысли и крылья легки!
внизу же ежи и полёвки
воруют их пуховики.

Какими-то двумя строчками автор-мультипликатор расширяет свое сюрное пространство, населённое птицами и человеком (одним), добавляет еще целое измерение с вороватыми, снующими «внизу» существами, – и нам уже по-новому интересно, и хочется последить взглядом теперь уже за полёвками и ежами, но – текст кончается. С эффектом унесённого из-под носа лакомства. Но этот эффект – сам по себе изысканное лакомство, и спасибо автору за него!

89. Панно из соломки, Вадим Заварухин

С точки зрения формы – такая ладная, ублажающая слух «классика», так приятственно сделано – для души, для ностальжи, для узнавания, для погружения в этот любезно предоставленный автором ботискаф времени, и уже в ботискафе – к придонным глубинам частной истории. Детство... кино за 10 коп... Разыгрывание фильмов где-нибудь за гаражами на пустыре, в компании друзей, те за белых, те за красных, те за дроидов, те за джедаев. А в это время «будущее» уже клепалось в тех самых гаражах «всевидящим Гейтсом и неистовым Джобсом»...

Панно из соломки с китайским драконом.
Он медлит, покуда фитиль не задут.
Давай пошуршим запасённым попкорном,
покуда финальные титры идут.

Мы вдруг оказались с тобой в этом зале:
глубокие кресла, пустые ряды,
ни тонких царапин на старом гризайле,
ни всё заслонивших голов впереди.

А раньше на утренний десять копеек,
потом по дворам разнести, доиграть.
В сугробы и лужи, в тальник и репейник
сходилась на бой деревянная рать.
Пока поклонялись счастливому детству,

и близко не чая подобных удобств,
придумали их в гаражах по соседству
всевидящий Гейтс и неистовый Джобс.

И позже пришедшее время идиллий,
бессмертных надежд и безумных пари,
как морок, сошло. Мы плотней облепили
свой глиняный шар со свечою внутри.

Вино молодое, да старые мехи,
а новые вехи – былое кино...
И вновь колыхнётся в невидимом смехе
китайский дракон на настенном панно.

Даже не столько форма, сколько формула такого типа поэзии – это нечто «со знаком качества». Кредит читательского доверия открывается таким стихам с первых строк, с первых же интонаций, мгновенно распознаваемых как искренние, душевно-интимные. И даже задвоенное «покуда» в первой строфе – прощается автору, не вменяется за помарку. Хочется закрыть глаза и представить, что это не помарка, а – так надо, так задумано.

Да, с формой-формулой всё более менее понятно. Но вот что касается содержания, то я не смогла соотнести себя, свой жизненный опыт, с предъявленной автором картинкой.

Первым делом, я просто «тупо не понимаю», где мы находимся?

Что это за кинозал – с панно из соломки вместо экрана? (Рядом с экраном? Закрывающей экран, как ширма? Просто на стене?) На панно изображён дракон, который «медлит, покуда фитиль не задут». Опять же: фитиль – динамита? Нет, фитиль свечи. Это выясняется не сразу, а только к концу стиха, где появляется «глиняный шар со свечою внутри». Но всё же – как-то странно звучит: «задуть фитиль свечи», люди так никогда не говорят, люди говорят – «задуть огонёк свечи», «задуть свечу». О фитиле можно сказать – «погасить». Если же на него «дуть», он будет лишь разгораться. Так что здесь – стилистическая неточность, как минимум.

А может, «фитиль» – это киножурнал «Фитиль», который в советское время крутили перед показом фильмов? Ан нет, тоже не сходится: «Давай пошуршим запасённым попкорном, // покуда финальные титры идут». Финальные! То есть, фильм-то уже кончился. Да и потом, откуда попкорн в те времена? А и будь попкорн – зачем шуршать им уже в конце фильма? Обычно им шуршат как раз в начале, ну в середине...

В общем, как читатель я дезориентирована. Драконом, попкорном, фитилем, соломенным панно, финальными титрами в самом начале (казалось бы) действа. При этом – именно панно с драконом и свеча в глиняном шаре сообщают тексту что-то необыкновенное и загадочное, некую интригу магии, благодаря которой он и запоминается.

Второе стихотворение кажется мне гораздо более «уютным», что ли. Сидеть в кресле под тёплым пледом, с котиком под боком, и листать странички в сети – что может быть приятнее? Автор очень заманчиво об этом написал – так и хочется последовать его примеру.

Приоткрыта дверь балкона,
заползают сквозняки,
но душа твоя спокойна,
если тёплые носки.

Под рукою подлокотник,
на коленях тёплый плед,
тёплый дым и тёплый котик,
на ладони целый свет.

Целый мир, как на ладони,
вся планета, все дела
на озоне-амазоне,
и авито, и юла.

Концовка слегка предсказуема и отсылает нас ко всем мини-демиургам в поэзии, уже успевшим воспользоваться этой опцией:

у тебя под пальцем кнопка,
раз – и нету ничего.

Третий текст оставляет ощущение какой-то глобальной «беспроторицы», безрадостного и натужного движения по бездорожью. Всё идет к чёрту, оползает селем в тартарары:

не хотят, да идут и дойдут они к чёрту –
им туда и дорога, судьба и пора.

Если «месседж» этого стихотворения – развёрнутая метафора жизненного пути как надсадного продвижения по хлябям, в разбитой обуви, с бурлацкой лямкой через плечо, то – будем считать, что он мной получен.

233. Дауншифтинг

В этой подборке внимание привлекает прежде всего третье стихотворение – «Облако». По-моему, оно безупречно. Во всех смыслах – от техники исполнения до вкраплений выпуклой, яркой образности, за которой скромно прячется, не навязываясь, авторская «картина мира».

От скучной высотки отцепится облако
и тащится, тащится. Может, на север?

Прекрасное, доброе, вечное сеять –
дожди ли, снега. Там заходится колокол
за полем непаханым в церкви небеленой,
где батюшка тонко поёт дауншифтеру.
И тот возвращается в избу, как в келью,
где лавку задами до блеска повытерли
далёкие предки, в картохах погрязшие,
молочные дети коров худосочных.
И он, городской, беспокойный, вчерашний,
выходит под небо просторное ночью.
И чудится ныне и присно дичалому
последний автобус, ползущий в замкадье.
Но чмокает лодочка дном у причала,
и бабочка бьётся в окно Христа ради,
деревья под небом скрипят, будто крепи,
и слышно, как шепчется речка с рогозом...
Помочится в травы, репьи поотцепит
и лоб перекрестит на облако в звёздах.

Начиная с первой же строки всё работает на идею «скольжения вниз» как «скольжения вверх» на самом-то деле. Дауншифтер отцепляется от города, как облачко от высотки. От «скучной» высотки – важно уточнить. Скучно – на привязи, в неподвижности, в не-развитии. Весело – в полёте, в отрыве от.

Чем дальше по тексту, тем яснее вырисовывается: побег из города – это паломничество к себе, в келью аскезы, к очищению духа от «репьев» современного мира с его гаджетами и удобствами.

Облако, проплыв сквозь весь текст, достигает концовки, и там оно уже не привязанный к высотке унылый неприкаянный челночок, а – красота и свобода, чуть ли не икона, обрамлённая звёздами. На него – лоб крестят!

Всё, что между облаком и облаком, мне тоже чрезвычайно понравилось. И выбранный автором размер – «медитативный», укачливый четырёхстопный амфибрахий, передающий своим звучанием и праздную неспешность облачка («...и тащится, тащится. Может, на север?»), и такую же по настрою неспешность автобуса, «ползущего в замкадье», который, в свою очередь неспешно и праздно проползает в памяти дауншифтера, перед его мысленным взором (видимо, именно так он и покинул свою прежнюю жизнь – «уполз» в замкадье на рейсовом автобусе).

Нравится та органичность и естественность, с которой в тексте сосуществуют слова из двух абсолютно разных миров, та непринуждённость, с которой они делят одну строку («батюшка тонко поёт дауншифтеру») и та внезапность, с которой они вдруг решают срифмоваться: замкадье/ Христа ради.

Нравится некоторая недосказанность: до конца так и не ясно, что именно

«перевешивает» в душе дауншифтера – память об оставленном или радость от приобретённого? С одной стороны – ему всё чудится тот автобус, с другой – «чмокает лодочка дном у причала» и мысли об автобусе отступают... И эта неоднозначность, не закрытость «темы города» в одной отдельно взятой душе – это очень хорошо. Очень, опять-таки, по-человечески (эх, Доктор, как жаль, что вас здесь нет! Вот оно, человеческое-то! Как вы и мечтали...)

Подведу итог. Итог не только этому обзору, а вообще.

Почти все подборки, выбранные мной, были выбраны за один стих, редко – за два. Такого, чтобы сразу все три безоговорочно понравились, сразили в самое сердце, – такого не было... если не считать « Гнева зимы » (324).

При этом к чтению потока я приступала с твёрдым намерением оценивать именно подборку, все три текста, да еще постараться не выпускать из вида и то, как они вместе работают, «подборка» ли они в строгом понимании слова, в самой ли удачной последовательности стоят в них тексты, и т.д, и т.п. Соблюсти эти добавочные критерии не то чтобы оказалось для меня сложной задачей, но – эти критерии очень быстро перестали быть актуальными. Есть один яркий, крутой стих – и то хлеб. Есть два – вообще замечательно, улов дня, можно сказать!

На этом у меня всё. Не знаю, вернётся ли Доктор до конца мая со своей форс-мажорной ниагары, – надеюсь, таки вернётся, – но на всякий случай «Продолжение следует» писать не буду...

ИМХО-КЛУБ